

К ПОНЯТИЮ СИМВОЛА

В. В. ИЛЬИН

(МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА),

И. О. КУРЕНКОВ

(МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЭКОНОМИКИ, СТАТИСТИКИ И ИНФОРМАТИКИ)

Развивается положительная платформа толкования символического. В числе принципиальных атрибуций символа — интерактивность, трансреальность, надындивидуальность, выразимость, многозначность.

Ключевые слова: человек символический, интенциональность, фронезис.

Символами, по расхожим предубеждениям, мыслят дети, поэты, безумцы (Элиаде, 2000: 129). Трезвый отход от предвзятостей подмечает иную толковательную презумпцию: символизм укоренен в гуманитарной природе; символическое — искони человеческое. У истоков последнего — преодоление инстинктивного, таящееся в склонности вырабатывать символическое. Не случайно по этой причине человеческую историю называют историей развития символического. Верно и другое: благодаря символичности история обретает черты реального, далеко на перспективу разливая свет человеческого. Со стороны своей символичности человек и интересен, именно этим удивителен. Способность понимать символы (знамения, откровения, знаки), которую по преданию дарует Яхве Даниилу, сообщила ему преимущества, снабдила его (по библейской истории — житийной легенде) поистине эсхатологической силой.

Погружаясь в сюжетную сферу с более холодным спокойствием, правильно уточнить: в познании есть точки, где накопление знаний превосходит возможности ими пользоваться. Постигание существа предмета разворачивается двояко: во-первых, уяснением становления (происходящее из прошлого, истечение из предковых форм) — эволюционизм; во-вторых, уяснением характера связи с наличными формами — синергизм.

В нашем случае мы сталкиваемся со скрупулезно разрабатываемыми представлениями как диахронического, так и синхронического порядка. Между тем и функциональные, и генетические модели не зажигают научный очаг по части специфической тематизации символосферы. (Соответствующее понимание спо-

двигло Ю. Лотмана на заявление платформы семиосферы, взыскающей конструктивного развития.) Поскольку нет такого человеческого действия, которое не было бы уже символически опосредовано (Ricoeur, 1986: 258), справедливо разворачивать вопрос в плоскость отождествления человеческого с символическим. Одно пронизано другим, с ним сцеплено. Не существует человеческого помимо символического, и *vice versa*. Имеется сингармония двух начал в реализациях Номо symbolicum.

Прогрессу в осмыслении оформления человека символического (складывания символосферы) способствуют целеориентирующие допущения, от которых можно отталкиваться как от исходного базиса.

1. Интерактивность. Символическое, как все и всякие комплексы символосферы, удостоверяется общением. Акты коммуникации, интеракции, естественного проникающего обмена деятельностью — подлинная стихия символического. «Встреча личностей» бывает по ту сторону «слов и систем» (Roy, 1972: 52), но не символов. Согласно статистике восприятие информации (получаемых извне значимых сигналов) протекает как усвоение языка тела ($1/2$); голоса ($1/3$), содержания ($1/6$) (Любимов, 2000: 21). Львиную долю, как видно, составляет невербальный уровень. Однако «невербальное» не означает «несимволическое». Линия взаимодействия в обход слов на базе «близости», «открытости», «одухотворенности» не есть линия демонстрации несимволичности. Возникая как концентрированная, эмоционально сгущенная форма, она вводится не контрабандой, а выстраивается в тоне пограничного вызова как модуляция символически настроенных резонирующих миров.

Гротескная абсолютизация невербального (Nédoncelle, 1963) никак не проходит. Символическое есть подлинная субстанция человеческого, которое не имеет шансов самозаявления вне обработки, переработки, наработки символической формации.

Опыт общения решает судьбу. «Другой» — не граница «Я», а источник его прогресса. Тот же «свет гения» возгорается не в изоляции — из подавленных инстинктов, самокопания, он возникает в коммуникации, оказывающейся предусловием реализации уникального индивидуального.

2. Трансреальность. Символы обладают удивительной способностью переводить конкретное в абстрактное, частное в типическое. Символическое открыто одновременно в две стороны: в сторону реального, трансформирующегося в знаковое; в сторону сверхреального, соотносящегося не столько с «запретельным», сколько с «высоким».

Первое отлучает от «произвольного», второе приобщает к «пафосному»: человек соотносительно велениям своей природы творит мир культуры (Maritain, 1975: 555), проявляя свободу в формировании, созидании несуществующего. Вехами морфогенеза, согласно закону «утопического стандарта» (Плеснер), служат символы, одухотворяющие, поощряющие перекрытие «безысходной бедности жизни» (Ницше) самим духом новаторства.

3. Надындивидуальность. Григорий Нисский: «И всякая тварь обширностью своего воззрения не может выйти из самой себя, но всегда в себе пребывает и, на что ни смотрит, видит себя, хотя и думает, что видит нечто высшее себя...». Воззрения всякой твари, натурально, в ней самой. Вместе с тем если одухотворенная тварь не капсулирована, она способна выходить за границы самости.

Напомним старое: *individuum est ineffabile*. Поглощенный самоисключительностью, индивидуум не только невыразим, — в наиболее точном смысле слова он вопиюще аномален.

Утрированию убогой обреченности самоизолированной персональности кладет конец очевидное. Проникающая в себя тварь (используя слог Фихте, «мыслящая интеллигенция») в случае надлежащей духовной экипи-

ровки, идейной оснастки усматривает не себя, а сократовский даймонион, приобщающий к мыслезначимому.

Приметное в частном, следовательно, благополучно превосходит партикулярный масштаб, где таинство «превосхождения» разоблачается естественной способностью твари обнаруживать в видимом ею более высокое, чем она.

Итожа сказанное, не впадая во всякого рода банальности, подчеркнем: способ превозможения нарочитых уродливых перекосов, погрязаний в самую — в символических репрезентациях интимных данностей. «Сущности», «реалии» индивиду даны и заданы символически. Персональные образы, «видения» оформляются содержательно и технически. Лишь вследствие этого они «глубоки», «правильны».

4. Выразимость. Мыслящее мыслит формы в образах. Образов же, хорошо известно, зачастую не хватает. По точной ремарке Мерло-Понти, загадка бытия в том, что многие вещи не принадлежат строю мышления (Мерло-Понти, 1999: 427). Что тогда? Запас возможностей скуден: либо бессилие, либо безнарядье *ratio*.

С ходу отметая вычурные, окончательно скомпрометированные конструкции, озаботимся проблемным: откуда можно знать бытие в отсутствие опыта? Вполне удостоверенное достоинство подобного рода — творчество Лермонтова, Рембо, Шолохова, глубоко передававших нюансы буквально непрожитой жизни. В самом горниле сюжета — самоотчеты: Демокрита — учение о «поэтическом безумии»; Рембо — «поэт... достигает неизвестного, и если даже, обезумевший, он кончит тем, что утратит понимание своих видений, — он их видел» (из письма П. Демени); Блока — поэт «знает» бытие — по «наитию». Признания гносеологически невыверенные, туманные, сбивчивые.

Линия «художник — умозритель» идет из Античности. Гомера, как и прорицателя Тиресия, изображали слепым. Дистанцию от «восприятия» к «воссозданию», от «иллюстрации» к «реконструкции», от «импрессии» к «экспрессии» прошел Демокрит, в целях автоно-

мизации умо-зрения *au naturel* лишивший себя телесного зрения. Эпатирующее пренебрежение плотью, шокирующие казусы членовредительства, оправдывающие ход от «визуальности» к «рациональности», однако не устраняют неясного — откуда дар осведомленности при атрофии свидетельств: лишенная чувствительной основы мысль обречена на беспомощный схематизм, начетничество, рутину.

Представляет «снижение темы» апелляция к «ясновидению». «Кому боги хотели открыть не только видимость мира, но и его сущность, — отмечает Вагнер, — тому они закрывали глаза, чтобы своими прорицаниями он открывал смертным не больше того, что они могли бы доньше видеть только в мечтах». И далее: «...поэт был ясновидцем, он видел не действительное, а истинное, возвышающееся над всей действительностью; и он сумел так верно передать это жадно внимавшим ему... что все представлялось им ясным и понятным, будто ими самими пережитым. Это и сделало ясновидца поэтом» (Вагнер, 1978: 668).

Нельзя быть придиричивым к аргументам Вагнера, но нельзя быть к ним опрометчиво лояльным. «Ясновидение», тем более ввиду деликатных феноменов Ленорман, Мессинга, Кейси, Ванги, отметить невозможно, но невозможно и фундировать им теорию. Адресация к «супранатуральному», на допущение которого обрушивается огненный шквал критики, — скверное основание теории. В первую очередь теории познания.

Гораздо более глубокую, перспективную позицию, на наш взгляд, намечает перевод рассуждений из ракурса «художник — ясновидец» в ракурс «художник — провидец». Сакраментальное внутреннее мучение причастных творчеству, подкрепленное онтогенетически (не сверхъестественно!), — в оплодотворении *ratio* живым процессом поиска, приобретаемом искусством пользования законами гармонических сочетаний символических форм, соответствующих законам действительности. В научном опыте в данном контексте апеллируют к критериям простоты (Ильин, 2011), в художественном опыте — к критериям композиционного, архитектурного, изобразительного совершенства (циклические

формы, регулятивы смыслов, императивы разработки сюжетных линий и т. п.). Адекватно осмысленный мир имеет адекватное структурное, выразительное, стилевое подкрепление. Сакраментальное: откуда поэт знает бытие — имеет лишь одну вразумительную трактовку: в отсутствии экзистенциального опыта выражение сущностного в бытии, осуществляясь глубоко интимно и вполне свободно, делается возможным благодаря комбинированию экспрессивных форм по законам красоты. Невычислимая и невычисляемая красота бытия приобретает некую имманентную рациональность в истолковании ее в терминах творения. Ясновидение — знание бытия — возникает не в достижении «неизвестного расстройством всех чувств» (Рембо), но в творческом, креативном порыве, когда возвышенная «культурированная душа» производит соответственное ей символическое сущее. Красота необъяснима, но сотворима и выразима — откуда следует: тема «постижения неизвестного» не сводится к теме «озарение» (какое именно? у Верлена «озарение» импрессионистично, у Рембо — утопично-патологично!), она сводится к теме «символотворчество».

5. Многозначность. Плюральность символического — следствие его полифундаментальности. Символ, утверждалось выше, онтологически двойствен — реальное высвечивается в нем присутствием сверхреального. Последнее утрирует в символическом измерении «репрезентация» и «инициация».

В первом измерении символ проявляет себя как реальный знак реального, данного в семиозисе. Отсюда неизбежная версификация сущности по представленческим инсталляциям. В строгой науке — сетка разных пресуппозиций — разный аппарат — разные концептуальные программы, смысловые поля, формульные форматы. Та же механика оформляется в эфирной — неэфирной, матричной — волновой парадигмах. В нестрогом искусстве, значительно менее скованном цензурой материала, символическое мультиплицируется в зависимости от идеала, манеры, характера, техники самовыражения — широчайший диапазон — от реализма и натурализма до мистицизма, от догматизма до критицизма,

от квиетизма до активизма, от актуализма до аутентизма, от традиционализма до авангардизма. Игра красок привлекает; она может быть и самодостаточной, и символизировать какие-то значимости. Главное — она должна волновать, быть средством раскрытия драматичностей.

Во втором измерении символ выказывает себя «культом нереального» (Ницше) — высшей ценностью, которой поклоняются, которую превозносят, на которую молятся. Перед нами версия иницированного пребывания в эстезисе. Собственно образы сакраментального здесь полностью заслоняют мир, вытесняют из него «натуральное». Таковы сращения «актера» с «ролью»; «бытия» с «идеей». Когда в экзальтации символы поглощают жизнь, разворачивается трагедия. Трагедия дереализованного народа (строящего «светлое будущее»), лица («исполнителя», идентифицирующегося с «персонажем»). Объективация параллельного мира с целью пребывания в нем, изощренная подстановка грез, искушений на место тверди вещей и их субстанций удручающе жалка, безотраднa.

Наваждения пролетают — остается пустота. Создание причудливого рельефа существования в залоге «пейзаж вожденной души» всегда суть акт самообречения; всегда оно — ущербный фарс, неоправданная экзотика. Рассчитываться с целым укладом реального во имя вымышленного, замещать положительное утверждение романтической приподнятостью, мгновенной одержимостью, всепоглощающим творением воображения есть безумие. Грань сна и яви должна быть обозначена. На стороне подлинной, а не подмененной жизни — нравственная сила, справедливость, истина.

A posse ad esse — непререкаемое кредо невнушенного немнимого. К слову, любовь требует настоящего, искусство условного. Искусство изобретает любовь, жизнь исключает изобретение. Любовь выше искусства. Искусство прибегает к приемам, приспособливает творения к пониманию; «упущение — суть искусства» (Дягилев). Жизнь крепится на обретенных. Жизнь выше искусства.

6. Побудительность, духоподъемность. Руководствуясь первоисточным, — человек есть

никогда незавершенный имперфект (Ильин, 2008), — констатируем: «совершенный» человек — фикция; человек может быть лишь совершенствующимся. Совершенствование как капитальная основа человеческого коррелирует его сущность со «становлением» и «незавершением». Действительно, сапиент существующий есть сапиент становящийся, незавершаемый. Ввиду всеобщности модуса «совершенствование в становлении» невозможно «завершение», возможно «вовлечение в завершение». Сошлемся на Дьюи: «В строгом смысле слова для личности невозможно остановиться, она находится в постоянном становлении. Именно в качестве становления заключается ее достоинство. Мы устанавливаем ту или иную цель для достижения, но сама цель способствует нашему росту... Многие... становятся морально обескураженными, если не достигают объекта, к которому стремились. На самом же деле моральный статус личности детерминирован ее движениями по направлению к достижению объекта, а не обладанием им. Если человек направит свои мысли и желания на сам процесс эволюции, а не какую-то конечную цель, то он обретет свободу и счастье» (Dewey, 1962: 172).

Конец совершенствования, равносильный достижению завершения, означает конец личной истории, имеющей вырожденные исходы: кризис тела (физическое истощение); кризис духа (духовное обнищание).

Как говорил Батай, мы обречены умирать от тоски быть человеком. О чем речь? О тоске от неудовлетворенности по поводу самонезавершенности. Полная завершенность человека — смерть. В первую очередь творческая. Неполнота самозавершения человека двойственна. С одной стороны, оптимистична: человек есть горизонт предстоящего в кругу проактивном. С другой стороны, пессимистична: человек обречен на неполноту завершения в некоем доскональном смысле. В подобном же смысле обречена на неполноту человеческая жизненная философия. Никогда еще в основу философии, согласно Дильтею, не был положен целостный, полный, неискаженный опыт, а с ним целостная, полная действительность. Не был положен потому, что и не мог быть по-

ложен. Наиболее тонкий, чувствительный тип философии — всегда открытый опыту момен- тализм, ищущий завершения не в финализме, а в полноте переживаний мигнов жизни.

Сопровождающее крушение надежд само- разрушение — наиболее болезненный опыт, предотвращает который проективная природа символического человека.

Животные достигают цели выстраиванием антиципирующих схем, рефлексных экстрапо- ляций, адаптирующих к обстоятельствам. Че- ловек не смиряется с обстоятельствами, он из- меняет их. Homo sapiens есть homo effiсax, проявляющий свою решительную сущность постановкой, преследованием амбициозных целей. Цели предстают почвой преобразования наличного, будирования чаемого. Таким обра- зом, правомерно зафиксировать ответствен- ное движение разумно действующего челове- ка: осваивая связи предметного мира, он сози- дает предметы культуры. Творение второй природы не самочинно. Главное состоит в со- общении таких параметров предметам, кото- рые отвечают высоким требованиям гумани- тарной состоятельности. Volens — polens чело- веческая техника средового благоустройства есть техника собственного возвышения; пере- крывающая ареал естественности в обмирщении целей, человек руководится логикой не выжи- вания, а самосовершенствования. Мы оказы- ваемся свидетелями каузального первенства гуманитарно-символического.

Следовательно, наш тезис: в плане инициа- ции предстоящего символическое действует как рычаг мотивации выхода из аморфного состояния и сильнее — инструмент стимуля- ции развития. Слабость символов — слабость целевых ориентиров, простор невыверенных теплохладных акций.

Отнесение к символу, причастность симво- лическому позволяет избегать недостойного, способность чего сказывается не через зна- ние, но сознание. Человек — носитель созна- ния, свободы, выбора — ответствен за деяния не по указу, а усмотрению. Он есть homo con- sciens — человек сознающий. Сознание озна- чает со-знание, сближаемое с со-вестью, — способностью осознать смыслы самодея- тельности, нести ответственность. Со-знание

соседствует с совестью как формой само-кон- троля, само-стояния. (Совесть и сознание вос- ходят к греч. syneidos. Впоследствии сознание сблизилось с латинской калькой греч. consci- entia; отсюда наиболее точная его трактовка — душевное, а не рассудочное ratio.)

Сказанное дифференцирует рациональ- ность и сознательность. Первая аттестует расчетливое действие, вторая — действие совершенное. Серьезная философия исто- рии человеческого по этой причине начинает с «небес» — только тогда она достойна пре- тендовать на оправдание своего громкого, обязывающего имени (Гердер, 1977: 13).

Уподобление со-знания со-вести — наибо- лее созвучная база экспликации символиче- ского, позволяет переходить к заключениям основополагающей ценности. Однако же опыт дает примеры их несовпадения. Как часто бы- вает в жизни, верное в тенденции может утра- чивать правоту в эпизоде. Постулат тождест- ва гуманитарного проявления символического сознания с самим сознанием в некотором роде искусствен. (Как говорится, никто из смерт- ных не велик настолько, чтобы его нельзя бы- ло помянуть в молитве.)

При унизибельной механизации, дегумани- зации человека, сбивающих с «пути томленья» (Блок), универсализации негативной этики традукция неуместна. Подобно тому, что есть индукция и отрицательная индукция, есть ду- хоподъемность и отрицательная духоподъем- ность символического.

Духоподъемность в контексте анализируе- мого предмета не проблематизируется. Проб- лематизируется, так сказать, ее интенциональ- ность, подкрепленность фронезисом — практи- ческой мудростью выявлять важность, полез- ность, приемлемость человеческих предприятий.

Резкая социальная примета деформации символического — гуманитарное выхолащи- вание продуктивных инструментов бытия: пе- ревод науки, искусства, политики в режим от- страненного формотворчества. Попытаемся передать смысл сказанного вызывающей безу- держное отвращение мыслью Ламетри: «...са- мое важное... это освободить человека от... совести». (Схожее, не в виде пожелания, а уже в виде предписания практиковали громилы

Третьего рейха, искоренявшие из сознания «хиимеру совести».)

Символическое по внутреннему призыванию своему — ресурс теургический, превосходящий творчеством смертность в культуре. Ввиду данного своего статуса оно обязано получать как разумное (всеобщее), так и совестливое (индивидуальное) удостоверение. Символическое, обретающее самоценность (получающее лишь всеобщее удостоверение), безнадежно деградирует. Политика перерождается в мизантропичное политиканство; наука, право, искусство — в беспардонную, одиозную апологетику.

Граница тела — начало иного. Самоощутельная канва символического — недопущение порчи человеческого.

Вменяемый взгляд на излагаемое, следовательно, таков: совесть есть последний удел познания и понимания. В том строгом смысле, что лишь совесть выступает конечной воспрепятствующей инстанцией мотивационного обмельчания деятельности. Ввиду совести не может быть бутафории. Грандиозный общечеловеческий материал — все народно-эпическое, фольклорно-мифологическое достояние, вся заключенная в преданиях, былинах, легендах, заповедях, сказаниях, назиданиях народная мудрость, оставляющая наедине с небом, заряжающая энергией жизнелюбия, стимулирующая сосредоточие души на достижении правомерного полноценного, — все это всецело сопротивляется глетворному глумотворству. Символизм жизни, отменяя жизнь в кругу посягательств на святых, тем самым обуславливает ее значительность. Высшее в бытии есть одновременно символическое в нем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вагнер, Р. (1978) Избр. работы. М.
 Гердер, И. Г. (1977) Идеи к философии истории человечества. М.
 Ильин, В. В. (2008) Философская антропология. М.
 Ильин, В. В. (2011) Эпистемология. М.

Любимов, А. (2000) Мастерство коммуникации. М.

Мерло-Понти, М. (1999) Феноменология восприятия. СПб.

Элиаде, М. (2000) Миф о вечном возвращении. М.

Dewey, J. (1962) *Theory of the Moral Life*. N. Y.

Maritain, J. (1975) *Religion et culture // Oeuvres (1912–1939)*, P.

Nédoncelle, M. (1963) *La Réciprocité des consciences*. P.

Ricoeur, P. (1986) *Lectures on Ideology and Utopia*. N. Y. : Columbia University Press.

Roy, J.-M. (1972) *Mounier aux prises avec son siècle*. P

TO THE CONCEPT OF SYMBOL

V. V. Ilyin

(Lomonosov Moscow State University)

I. O. Kurenkov

(The Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics)

The positive platform for the interpretation of symbolic is developed. Among the essential attributes of the symbol there are interactivity, transreality, over-individuality, expressibility, polysemy.

Keywords: homo symbolicus, intentionality, phronesis.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Vagner, R. (1978) *Izbr. raboty*. M.

Gerder, I. G. (1977) *Idei k filosofii istorii che-lovechestva*. M.

Il'in, V. V. (2008) *Filosofskaia antropologija*. M.

Il'in, V. V. (2011) *Epistemologija*. M.

Liubimov, A. (2000) *Masterstvo kommunikatsii*. M.

Merlo-Ponti, M. (1999) *Fenomenologija vospri-iatii*. SPb.

Eliade, M. (2000) *Mif o vechnom vozvrashchenii*. M.

Dewey, J. (1962) *Theory of the Moral Life*. N. Y.

Maritain, J. (1975) *Religion et culture // Oeuvres (1912–1939)*, P.

Nédoncelle, M. (1963) *La Réciprocité des consciences*. P.

Ricoeur, P. (1986) *Lectures on Ideology and Utopia*. N. Y. : Columbia University Press.

Roy, J.-M. (1972) *Mounier aux prises avec son siècle*. P.